

Александр Зеленин
(University of Tampere)

**«Папа, где моя *lipka*?»
(доминантный язык и смешение кодов
в русском-финском онтобилингвизме)**

1. Вводные замечания

Несмотря на то, что в Финляндии русские или выходцы из России проживают уже более 250 лет, исследований русско-финского билингвизма сделано удивительно немного, особенно в сравнении с проведенными исследованиями по финско-шведскому билингвизму (Fougstedt 1956; Tandefelt 1986; Sundman 1994; Embleton 2001; и др.), финско-английскому (Lauttamus 1992; Halmari 1997; Hirvonen & Lauttamus 2000; Rohlich 2006; и мн. др.), финско-немецкому (Lehtimäki 1995; Karhunen 2002), финско-идиш (Harviainen 1991), финско-эстонскому (Lehiste 1965; Toivanen 1994; Dasinger 1997; Hassinen 2002), финско-венгерскому (Karjalainen & Vuojala 1986), финско-норвежскому (Norman 1991; 2007), финско-французскому (Niklas-Salminen 2000). Причиной тому были и идеологические, и политические, и педагогические причины. Систематическое изучение русско-финского билингвального поведения (среди взрослых информантов) началось только в начале 1990-х годов работами М. Лейнонен (Leinonen 1991; 1994). В дальнейшем такой, морфолого-синтаксический, подход был продолжен и развит ее учениками и коллегами (Sarhimaа 1999; Leisiö 2001). В середине 1990-х годов появляются публикации Е.Ю. Протасовой, положившие начало целой серии работ этого автора о русско-финском билингвизме, как взрослом, так и детском (Протасова 1994; 1998; 2000; 2004; 2007; и др.). Однако систематических и обобщающих исследований о русско-финском раннем билингвизме (онтобилингвизме) еще нет.

Двуязычие – это не статический феномен, но лишь процесс, который изменяется в зависимости от жизненных условий, окружения и личных потребностей. Исследовательские подходы в определении дву-

язычия в настоящее время можно сгруппировать по следующим 4 типам:

- a) по уровню языковой компетентности билингва (владеет обоими языками свободно как родными);
- b) по типу овладения языками (билингв освоил языки с детства в семье от людей, естественных носителей двух и более языков);
- c) по типу использованию языков (билингв практически беспрепятственно способен производить тексты на обоих языках);
- d) по типу идентификации (способность самоидентификации как двуязычной личности) (Baker 2001).

2. Смешение кодов: теоретические постулаты

В новейшее время, с 1980-х годов, новый импульс исследованиям билингвизма придали, в частности, работы Редлингера и Парка, которые предложили рассматривать двуязычие в первую очередь как процесс освоения и усвоения языковых кодов (Redlinger & Park 1980). Отличие от прежних изысканий заключалось в том, что вместо, по преимуществу, анализа фактов смешения словаря (lexical mixing), теперь ученых стали интересовать сам билингвальный процесс (bilingual acquisition processing) и его когнитивно-языковая природа, а также сопутствующие этому факторы. Ранее внимание сосредоточивалось чаще всего на самом результате смешения, наложения (interference) и дифференциации двух языковых систем (differentiation of two languages), но не на механизме, их породившем. И сейчас еще недостаточное внимание уделяется таким важным экстралингвистическим аспектам онтобилингвистического описания, как: социальный статус родителей, размер семьи, система воспитания детей, половая принадлежность, религиозные факторы, городское или сельское окружение, индивидуальные способности ребенка и др. (De Houwer 1995, 249). Это, впрочем, затрудняло в прошлом, затрудняет и сейчас сопоставимость полученных результатов.

Смешение кодов (code-mixing, CM) значит непреднамеренное смешение элементов (трансфер из языка L1 в язык L2) на фонологическом морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях. CM – это особенность, присущая речевому развитию двуязычных детей, она уменьшается по мере взросления ребенка/детей и отделения в их лингвосознании одного языка от другого/от других. Билингв научается отличать два языка в процессе усвоения лишь постепенно. Когда ребенок начинает понимать, что в его окружении используется два или более языка, он начинает дифференцировать языки всё чаще и всё успешнее. Сначала ребенок начинает отличать языки, связывая их в своем сознании с окружающими его ближайшими людьми (один чело-

век – конкретный язык). Г.Н. Чиршева приводит выборку из билингвистической литературы, фиксирующей время, когда ребенок начал дифференцировать языки; возрастная шкала колеблется от 1 года 6 месяцев (в семье Ронжа) до 5–6 лет (в записях Димитриевича) (Чиршева 2000, 107). В современной онтобилингвологии одним из основных критериев дифференциации языков в сознании ребенка считают появление в речи детей межъязыковых эквивалентов (*inter-lingual equivalence*; см.: Schwanenflugel & Rey 1986). Существует даже мнение, что ребенка нельзя назвать полностью двуязычным до тех пор, пока он не перестанет «классифицировать» людей на основе языка, т.е. пока не разрушится в его сознании связка «один человек – конкретный язык», иначе – пока не произойдет абстрагирование языка от конкретных личностей (Grosjean 1982).

Традиционно в онтобилингвологии считается, что смешение кодов может происходить вследствие того, что ребенок пытается сформировать одну языковую систему на базе двух/нескольких. На смешение кодов влияет также то, какой речевой стратегии придерживаются родители в разговоре с ребенком/детьми. Согласно множеству наблюдений, смешение кодов заканчивается в 3–4 года и уже после 4 лет – редкое явление (Genesee 1989).

В качестве теоретических моделей СМ были предложены различные критерии. Некоторые исследователи полагают, что причинами смешения кодов являются отсутствие подходящего эквивалента в словарном составе другого языка (Quay 1995, 381–382), забывание слова в процессе речепорождения (Körpe 1996, 944), частотность (фреквентативность) того или иного слова в каком-либо языке, структурные особенности языков, социальные, психологические обстоятельства (Romaine 1995, 206), немалую роль играет и степень, уровень интеракционной коммуникации с ребенком (Schlyter 1987, 46). Двуязычный ребенок, уже свободно владеющий двумя языками и дифференцирующий их в своем лингвосознании, может смешивать языки в результате побочных психических факторов: усталости, страха, испуга, депрессии и т.п. (Arnberg 1987).

Языковая практика родителей – это начальная (первичная) модель, которую ребенок хочет усвоить. Родители могут, например, сами менять языки в межличностной коммуникации. На основании собственного опыта могу сказать, что такие ситуации возможны, если мы разговариваем с женой (по-русски) о темах, в которых присутствуют какие-либо реалии финской или российской жизни и которым бывает весьма нелегко подыскать соответствующие эквиваленты; например, многие финские сложные слова на русском языке приходится передавать подчинительными конструкциями (в частности, активное у нашей семье слово *iltapäiväkerho* «группа продленного дня, разг. Пролётка» моя

жена практически всегда оставляет в речи со мной без перевода, если мы говорим по-русски). Остаются, как правило, без перевода аббревиатуры (*KELA*, *Kansaneläkelaitos* «Ведомство по народным пенсиям»). С точки зрения передачи актуальной информации и повседневной коммуникации очень часто необходимым и достаточным критерием в диалоге оказывается «вкрапление» иноязычного слова/понятия (если предполагается, что собеседники знают его, знакомы с ним), чем обращение к словарю в поисках русского эквивалента (к слову сказать, в словарях переводы бытовых реалий удается отыскать далеко не всегда). Тем самым взрослые, мотивируя свое поведение необходимостью общения в естественном режиме быстрой коммуникации, тем самым произвольно активизируют и даже в какой-то степени провоцируют смешение кодов в речи своих детей. Дети, слыша и слушая речь своих родителей, сдобренную гибридами, вставками (*insertion*), варваризмами, привыкают к тому, что именно таким образом и можно говорить. Ребенок уже в раннем возрасте начинает осознавать, что родители владеют обоими/двумя языками и эту ситуацию ребенок, как правило, использует с выгодой для себя (Nicoladis & Genesee 1996, 443).

В процессе изучения СМ выявилась и необходимость в установлении отношений координации двух или более языков в лингвосознании ребенка. С этой целью было введено понятие доминантного языка. Доминантным языком называется господствующая (доминирующая) роль какого-либо языка над другим в процессе речепорождения би- или полилингва. По мнению Петерсен (Petersen 1988), доминирующий язык – это тот, морфемы которого могут свободно мигрировать из языка в другой/другие, но морфемы наиболее «слабого» (в речевом багаже ребенка) языка не могут проникать в доминирующий язык. Так ли это на самом деле – будет прослежено в данной статье на разных языковых уровнях.

Материал для последующего анализа собирался нами в течение 3 лет: у одного ребенка в возрасте от 2 лет 2 месяцев до 5 лет (информант А.), у другого ребенка в возрасте от 4 до 7 лет (информант N.), обе – девочки. Эмпирическую базу составили 507 примеров. Материал считался релевантным и фиксировался в таких лингворечевых ситуациях, если: 1. во фразе очевидно проявляется использование двух языковых систем; 2. во фразе видно (с точки зрения исследователя) смешение языков или их элементов. При классификации один и тот же языковой элемент может интерпретироваться на разных уровнях; напр., а финской фразе *otan sliiviä* «я возьму сливы/слив» (фин. *otan luumuja*) словоформа *sliiviä* (рус. слива) анализируется нами и на лексическом (заимствование), и на фонологическом (фонема [i], типичная в финском языке для маркировки заимствованных слов), и на морфологическом (окончание -ä как показатель партитива) уровнях.

3. Типы СМ

Различают смешение кодов на фонологическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Фонологическое смешение кодов. Как ни парадоксально, этот тип смешения кодов изучен явно недостаточно, исследования в этой области чаще всего касаются изучения переноса (трансфера) фонем из одного языка в другой (Murrel 1966; Oksaar 1971; Schnitzer & Krasinski 1994; Paradis 1997). Некоторые исследователи полагают, что ребенок усваивает фонологические системы языков органично, без особых проблем (Johnson & Lancaster 1998), в связи с чем выдвигались и выдвигаются идеи, что влияния языков друг на друга на фонологическом уровне намного меньше, чем на других уровнях (Romaine 1995, 205), но в то же время фонология может быть одной из возможных причин смешения кодов (эту точку зрения отстаивают, в частности, Leopold 1949, 267; Peters & Strömquist 1996, 216). Например, в ситуациях, в которых лексемы второго/другого языка представляют для ребенка известную трудность с точки зрения артикуляции, произношения, ребенку легче применить лексему из другого языка с менее проблематичным (с позиции ребенка) фонологическим составом.

Морфологическое смешение языков. Морфологическое и лексическое смешение языков изучено, как и следовало ожидать, больше и лучше всего (Murrel 1966; Burling 1978; Lindholm & Padilla 1978; Redliger & Park 1980; Meisel 1989, 1990, 1994; Lanza 1992 и др.). При морфологическом смешении кодов происходит соединение (контаминация) морфем из разных языков в одном гибриде, одни из наиболее частых случаев: а) лексикальная морфема одного языка + грамматическая морфема другого языка или б) морфема из одного языка + грамматическая функция из другого языка. Морфологическое смешение кодов присуще детям в младшем возрасте.

Лексическое смешение кодов. В онтогенезе ребенок усваивает каждую форму в одном значении. Так, ребенок может опознавать язык, на котором у нему обращаются, но понимает синонимы в двух языках в разных речевых оборотах/конструкциях и смешивает их по этой причине. В период между 2–3 годами исследователи обнаружили в речи детей больше всего гибридных указательных/дейктических местоимений и наречий. (Hassinen 2002). Лексические гибриды наиболее свойственны именно детям в младшем возрасте.

Синтаксическое смешение кодов. На синтаксическом уровне самым типичным примером является смешение порядка слов в разных языках. Смешение имен существительных и глаголов в построении фразы показывает взаимодействие лексического и синтаксического

ярусов в лингвосознании билингва; такой феномен присущ детям в более старшем возрасте.

Семантическое смешение кодов. Оно проявляется в том, что билингвом используется, например, слово в неподходящей, несвойственной в данном языке ситуации, но вполне приемлемой и даже единственно возможной в другом языке, напр.: фин. *pitkä* («длинный»; о человеке) вместо нормативного рус. (человек) *высокого роста* (букв.: *korkeakasvuinen*) – фраза *korkeakasvuinen ihminen* не является нормативной и оправданной в финском узусе, но в русском узусе лексический эквивалент (*человек высокого роста*) вполне закономерен. Многие семантические гибриды в речи билингвов обычно относят к группе семантических калек.

4. Анализ материала: типы смешения кодов в LR и LF

Поскольку возраст детей различается и степень владения языком тоже, то при рассмотрении речевых навыков более старшего по возрасту ребенка (N.) главное внимание сосредоточено на лексических и лексикоморфологических особенностях, в то время как в речевой практике младшего по возрасту ребенка (A.) акцентируются фонологические, морфологические и лексические элементы смешения кодов. Возрастная разница проявляется, разумеется, в том, что младший ребенок легко смешивает фонемы, морфемы и лексемы, но в речи старшего ребенка гораздо более заметное место занимает смешение лексем, смешанный синтаксис (валентные особенности слов в разных языках, структура пропозиции).

Далее в работе используется аббревиатуры LR (русский язык; дети говорят на русском языке, произносят русскую фразу) и LF (финский язык; дети говорят на финском языке, произносят финскую фразу). Всего нами выделено 10 типов смешения кодов в каждом языке на разных уровнях, здесь важно обратить внимание не только на «чистые» уровни (лексика, морфология, синтаксис, семантика), но, что еще более существенно, именно на смешанные модели CM, т.е. межуровневые грамматико-семантические связи, существующие в лингвосознании A. и N. Типы сгруппированы согласно тому, как происходит смешение: напр., фонема и морфема из одного языка соединяется с лексемой или порядком слов из другого языка. Семантический материал также может переноситься из языка в другой, в частности, тогда, когда слово с более широким семантическим объемом в одном языке переносится в другой: в финском языке глагол *laittaa* является глаголом с широкой валентностью (*laittaa ruokaa* «готовить еду», *laittaa hiukset* «укладывать волосы», *laittaa lapset kouluun* «отправлять детей в школу», *laittaa huulipuna* «накладывать губную помаду» и т.д.), в то время как в рус-

ском языке глаголы в данных речевых конструкциях будут совсем различны. Итак, типы СМ таковы.

5. Смешение кодов в LF

Представим типы СМ в речевых ситуациях, когда А. и N. говорили по-фински.

Исход – финский контекст

1. Фонема LR в лексеме LF в финском контексте
N. mää oon jo syöny *hleipää* «я уже съела хлеб» (к финскому имени существительному *leipä* «хлеб» добавлена русская фонема [h], видимо, в результате влияния рус. хлеб)
2. Фонема LR в лексеме LR в финском контексте
A. sulla on äiti *gazetti* «у тебя, мама, газета» (последний гласный русского слова *газета* изменяется на фин. -i и двойное -tt)
3. Лексема LF в изменяемой форме + морфема LR в финском контексте
A. mä haluan *haarukun* «я хочу вилку» (в русском языке окончание ВИН у слова *вилка* – вилкУ; кроме того, в слове появляется окончание финского аккумулятива -n, таким образом, грамматическое значение прямого объекта выражается двойным способом)
4. Лексема LR в изменяемой форме + морфема LF в финском контексте
N. anna mulle se nukke nii mää *patselui*n sitä «дай мне ту куклу, то я поцелую её» (к русскому глаголу *поцеловать* присоединяется показатель глагола 1 лица ед. числа наст./буд. времени)
5. Лексема LR в начальной форме в финском контексте
A. äiti tämä on *krasnaja* lapane «мама, это красная варежка» (любопытно согласование по роду, в то время как в финском категория рода отсутствует; глубинная грамматико-семантическая модель явно ориентирована на русское выражение *красная варежка, рукавичка*)
6. Лексема LR в изменяемой форме в финском контексте
A. äiti anna mulle *palatsku* «мама, дай мне палочку» (русское существительное в ВИН)
7. Гибридное слово в финском контексте
N. sitte ku mää oon näin vuotta nii mää voim *vsrosliialtaassa* uida «потом, когда мне будет столько лет, я могу плавать во взрослом бассейне» (гибридная форма: рус. прилагательное *взрослый* + фин. существительное *allas* «бассейн»)
8. Словосочетание/выражение LR в финском контексте
A. mulla ei oo *käsnie nogi* «у меня не грязные ноги» (трансфер из русского языка)
9. Порядок слов LR или управление (валентность) в предложении LF в финском контексте
N. mää oon *poliisityöllä* «я на работе в полиции» (в русском языке значение «нахождение на работе, на рабочем месте» идиоматически выражается сочетанием с предлогом НА, в данном случае лексико-синтаксическая калька с русского)

10. Семантический элемент LR в лексеме LF в финском контексте

N. jos koko aja pelaa tietokoneella tai kattoo telkkaria nii sitte joutuu aina *kantaa laseja* «если все время играть на компьютере или смотреть телевизор, то тогда придется всегда носить очки» (русское идиоматическое выражение *носить очки* вместо фин. *pitää silmälasia*)

Приведем сводную таблицу, показывающую фреквентативность случаев СМ в финском контексте и позволяющую представить активность и динамику того или иного языкового яруса при речепроизводстве, где встретилось СМ.

ТИП СМ	ГОВОРЯЩАЯ А.	ГОВОРЯЩАЯ N.
1. фонологический (лексико-фонологический)	38	19
2. морфологический	65	41
3. лексический (лексико-морфологический; лексико-фонологический; лексико-синтаксический)	158	86
4. синтаксический	19	16
5. семантический	0	2

Таким образом, видно, что взросление ребенка сказывается на уменьшении случаев СМ практически на всех языковых ярусах, в то же время возрастает влияние русского языка в семантическом типе СМ, то есть проникновение значений русских слов в финские слова. Обобщим речевые характеристики А. и N.:

- а) У А. при СМ в финском контексте доминировали русские имена существительные в ИМЕНИТ, что свидетельствует об отсутствии в ее речевом сознании русской парадигмы и преобладании начальной формы имени существительного. Кроме того, в речи А. русские имена существительные также получали морфологическое оформление по финской падежной системе (напр., *kniigasta* «букв.: из книги»). Русские существительные с консонантной основой часто получали финское окончание -i, типичное для заимствованных слов (рус. сок > фин. *sokki*).
- б) У N. довольно большое количество фонологических случаев СМ, когда ребенку уже нужно отграничить два языка на фонетическом/фонологическом уровне, объясняется периодом активности и заинтересованности изучения алфавитов (больше – русского, меньше – финского) и вследствие этого проникновения русской фонетики в финские лексемы. На уровне синтаксиса СМ проявлялось в образовании словосочетаний, построенных по русской модели, и трансфере русской глагольной валентности в финские предложения.

6. Смешение кодов в LR

Далее рассмотрим типы CM, когда исходным выступает русский контекст (русское речепорождение).

Исход – русский контекст

1. Фонема LR в лексеме LF в русском контексте

N. это *kiraffi* «это жираф» (к финской лексеме присоединяется долгая фонема (геминат) [ф] из русского слова *жираф*, к тому же происходит аккомодация финской фонемы [h] в слове *kirahvi* и ассимиляция с русской фонемой [ф], в результате чего образуется двойной консонант [фф])

2. Фонема LF в слове LR в русском контексте

A. я *бу[r]/у* йогурт «я буду йогурт» (в русскую глагольную форму трансплантирована финская фонема [r] – результат влияния диалекта Тампере, заменяющего общелитературный звук [d] фонемой [r])

3. Лексема LR + морфема LF в русском контексте

A. я тоже хочу цветы *kastellat'* «я тоже хочу цветы поливать» (к финскому глаголу присоединяется показатель русского инфинитива -ть; фин. **Minä tuõs haluan kukkia kastella*)

4. Лексема LR + морфема LF в русском контексте

A. я *была[pa]*, *была[pa]!* «я была же, была же» (к русскому глаголу присоединяется финская энклитическая частица *pa*; фин. **Olinpa, olinpa*)

5. Лексема в начальной форме LR + морфема LF в русском контексте

A. почему это туда не *mahtua* «почему это туда не входит/не помещается?» (в русском контексте финский глагол в инфинитиве, но не в финитной форме; фин. **Miksi se sinne ei mahdu?*)

6. Лексема в изменяемой форме LF в русском контексте

A. папа, я упала на *ulossa* «папа, я упала на улице» (русский предлог *на* + финское наречие *ulos*, но с окончанием инессива имен существительных *-ssa/-ssä*; здесь возможно допустить также влияние фонологического фактора: созвучие рус. *улица* и фин. *ulossa*; фин. **Isä minä kaaduin ulkona*. Ясно, что глубинная модель следует рус. словосочетанию *на улице*)

7. Гибриды в русском контексте

N. это *poliisимашина*, *rakettiмашина*, *rosкамашина* «это полицейская машина, минифургон, машина для вывозки мусора» (начальная часть слова – финская, конечная – русская; фин. **poliisiauto, rakettiauto, roska-auto*. Такие гибриды являются постоянным спутником речевой практики A. и N.)

8. Словосочетание/выражение LF в русском контексте

A. *упала auto veteen tuonne meni [в] воду pikkune auto* «упала машина в воду там упала, в воду маленькая машина» (согласование по русскому грамматическому роду (*упала auto*), отсутствующему в финском языке; фин. **Tippui auto veteen tuonne meni veteen pikkuinen auto*)

9. Порядок слов LF или управление (валентность) в русском контексте
 А. папа, Алекс *меня мешает* (русский глагол *мешать* + кому? (ДАТ), влияние фин. *häiritä + ketä?* (Partitive); фин. **Isä Aleksi häiritsee minua*)

10. Семантический элемент LF в русском контексте

А. *спасибо много* «спасибо большое» (фин. нормативное *kiitos paljon*, здесь **kiitos suuri*)

Также представим сводную таблицу фреквентативности типов СМ в русском контексте.

ТИП СМ	ГОВОРЯЩАЯ А.	ГОВОРЯЩАЯ N.
1. фонологический (лексико-фонологический)	29	2
2. морфологический	20	5
3. лексический (лексико-морфологический; лексико-фонологический; лексико-синтаксический)	59	39
4. синтаксический	44	19
5. семантический	23	16

Как и в предыдущей таблице, здесь также явно видно уменьшение СМ, связанное с взрослением.

Обобщим речевые характеристики А. и N.:

а) Самым мощным типом СМ у А. были лексические случаи: в русском предложении попадали финские лексемы либо в начальной, либо в изменяемой форме. Также многочисленны и синтаксические модели СМ, когда русские словосочетания строились по финским речевым образцам. Также многочисленны и фонологические модели СМ, это обычно русские слова, оформляемые окончанием *-i* как показателе иноязычности лексемы в финском. Семантические модели СМ связаны обычно с калькированием финских глаголов с «общей» семантикой (*olla, saada, laittaa* и др.) или глаголов движения, особенно в идиоматических конструкциях (напр., фин. *uusi iho tuli* – букв.: «пришла новая кожа», рус. нормативное: *наросла (появилась) новая кожа*), в русских предложениях.

б) У N. доминирует лексическое СМ на том основании, что она переносит финские лексемы в русский контекст. Синтаксические модели СМ обычно связаны с использованием словосочетаний, калек с финского, и глагольной валентности. На фонологическом уровне СМ у N. (2 случая) было обусловлено тем, что N. активно овладевала финским и русским алфавитами, причем русский алфавит она начала изучать раньше и активнее. Влияние финской

фонетики при произнесении русских звуков и букв изредка проявлялось в речи N. особенно в позициях смягчения согласных: на месте мягких произносились полумягкие или твердые или, напротив, на месте твердых – мягкие (напр.: вместо $c[ы]p > c[u]p$). Заметно также значительное падение морфологических моделей CM у N., по сравнению с A.

N. осознала свое двуязычие довольно рано и стремилась к корректному использованию языков намного тщательней и внимательней, в отличие от A., гораздо менее озабоченной корректным использованием двух языков. И раньше, и теперь N. стремится говорить правильно, думает над словами в процессе речепорождения, испытывает затруднения, если не знает какие-либо слова или формы, но все-таки пытается избегать использования слов и форм другого языка. У A. таких отчетливо выраженных языковых интенций наблюдалось и наблюдается гораздо меньше.

Выводы

1. Характерной особенностью речевой практики A. и N. является то, что в их русскую речевую базу легко проникают финские фонемы и морфемы, в то время как в финском языке детей существенно больше лексем из русского языка.
2. У A. в финской речи финский язык является доминантным, матричным (matrix language) на уровне фонологии, морфологии, лексики, синтаксиса и семантики, в русской же речи русский язык выступает матричным только на уровне лексики.
3. У N. в финском контексте финский язык – матричный язык в морфологии и семантике, а в русской речи русский язык является матричным также на лексическом уровне.
4. На основании теории доминантного языка можно сделать вывод, что русский – это лексически доминирующий язык. Это связано напрямую с тем, что с раннего детства с детьми много занимались языковыми упражнениями, проводили игры, направленные на усиленный рост лексического багажа ребенка. Напротив – финский является доминирующим в фонологическом, морфологическом и семантическом отношениях. Если говорить о лексико-синтаксических чертах, то между языками существует определенный баланс, поэтому смешение кодов одинаково встречается в обоих языках.
5. Доминантный язык не является некой константной величиной. Как и само двуязычие, доминантный язык можно обозначить как

лингворечевой процесс, который может изменяться даже у одного говорящего несколько раз. На структуру доминантного языка и его роль в речепроизводстве оказывают сильное влияние языковое окружение, языки, используемые в повседневном общении/обиходе, и полученный ввод (input).

Ну и наконец – что это за *lipka*, о которой речь шла в названии статьи? Только зная два языка и понимая механизмы смешения кодов, можно догадаться, что, оказывается, *lipka* – это словообразовательный гибрид, образованный от финского разговорного слова *lippis* «(бейсбольная) кепка» при помощи русского суффикса -к(а) как в слове *кепка*. Такие языковые сюрпризы, неожиданности и радости преподносит исследователю изучение билингвального поведения – одна из самых таинственных лабораторий человеческого мозга, куда и пытается проникнуть онтобилингвология вот уже почти сотню лет.

Адрес электронной почты автора: aleksandr.zelenin@uta.fi

Литература

- Arnberg, L. 1987. *Tavoitteena kaksikielisyys*. Jyväskylä: Gummerus.
- Baker, C. 2001. *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. 3 edn. Multilingual Matters Ltd.: Clevedon.
- Burling, R. 1978. Language Development of a Caro and English-Speaking Child. *Word* 15. 45–68.
- Dasinger, L. 1997. Issues in the Acquisition of Estonian, Finnish, and Hungarian: A Cross-linguistic Comparison. В кн. D.I. Slobin & N.J. Hillsdale (eds.), *Cross-linguistic Study of Language Development*, 1–86. Laurence Erlbaum Associates. (IV).
- Embleton, S. 2001. Bilingualism in contemporary Finland: whither Swedish? *Journal of Finnish Studies* 2. 7–30.
- Hassinen, S. 2002. *Simultaaninen kaksikielisyys. Läheiset sukukielet viro ja suomi rinnakkain*. Oulu: Oulun yliopisto. 2002.
- Hirvonen, P. & Lauttamus, T. 2000. Code-switching and Language Attrition: Evidence from American Finnish Interview Speech. *SKY Journal of Linguistic* 13. 47–74.
- Houwer, de A. 1995. Bilingual language acquisition. В кн. P. Fletcher & B. MacWhinney (eds.), *The Handbook of Child Language*, 219–250. Oxford: Basil Blackwell.
- Fougstedt, G. 1956. Social factors affecting the choice of language by children of Finnish-Swedish mixed marriages in Finland. *Transactions of the Westermarck society* 3. 34–54.
- Genesee, F. 1989. Early Bilingual Development: One Language or Two? *Journal of Child Language* 6. 161–179.
- Grosjean, F. 1982. *Life with Two Language: An introduction to bilingualism*. Harvard University Press, Cambridge: Mass.
- Halmari, H. 1997. *Government and codeswitching: explaining American Finnish*. Amsterdam Philadelphia (PA): Benjamins.
- Harviainen, T. 1991. Jiddiш ja venäjää, ruotsia ja suomea. В кн. *Kielet kohtaavat: siirtolaisuus ja kielellinen sopeutuminen 1800-luvun Suomessa*, 57–72. Helsingfors: Helsingfors universitet.
- Johnson, C. & P. Lancaster. 1998. The development of more than one phonology: a case study of a Norwegian-English bilingual child. *International Journal of Bilingualism* 2(3). 265–300.
- Karhunen, A. 2002. Saksansuomalaisten lasten suomalainen maisema ja kieli. *Siirtolaisuus* 29. 9–15.

- Karjalainen, M. & E. Vuojala. 1986. Unkaria ja suomea – kaksikielisen Lauri-pojan puheen kehittymisestä. В кн. M. Karjalainen (toim.), *Kielitieteellisiä muistiinpanoja* 1 (Oulun yliopiston suomen ja saamen kielen laitoksen tutkimusraportteja 25), 96–103. Oulu.
- Köppe, R. 1996. Language Differentiation in Bilingual Children: The Development of Grammatical and Pragmatic Competence. *Linguistics* 34(5). 927–954.
- Lauttamus, T. 1992. Lainaaminen ja koodinvaihto: havainnot amerikkansuomalaisten kielestä. *Virittäjä* 96. 3–16.
- Lanza, E. 1992. Can bilingual two-year-olds code-switch? *Journal of Child Language* 19. 633–658.
- Lehiste, E. 1965. The Function of Quantity in Finnish and Estonian. *Language* 41. 447–456.
- Leinonen, M. 1991. Suomessa puhuttu venäjä. В кн. *Kielet kohtaavat: siirtolaisuus ja kielellinen sopeutuminen 1800-luvun Suomessa*, 39–56. Helsingfors: Helsingfors universitet.
- Lehtimäki, P. 1995. Suomalaispojan kaksi äännettä. В кн. *Congressus internationalis Fenno-Ugristarum. Congressus octavus Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.15.8.1995, Pars IV*, 74–77. Jyväskylä: Moderatores.
- Leinonen, M., 1994. Bilingual speech in Russian: a case study. *Gothenburg Papers in Theoretical Linguistics* 72. 219–239.
- Leisiö L., 2001. *Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian*. Tampere: Tampereen yliopisto.
- Leopold, W. 1949. *Speech Development of a Bilingual Child: A Linguists Record*. Vol. 3. Grammar and General Problems. Evanston: Northwestern University Press. 1949.
- Lindholm, K.J. & A.M. Padilla. 1978. Language Mixing in Bilingual Children. *Journal of Child Language* 5. 327–335.
- Meisel, J. 1989. Early Differentiation of Languages in Bilingual Children. В кн. K. Hyltenstam & L. Obler (eds.), *Bilingualism across the Lifespan: aspects of acquisition, maturity and loss*, 13–40. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meisel, J. 1990. Grammatical Development in the simultaneous acquisition of two first languages. In J. Meisel (ed.), *Two first Languages: Early Grammatical Development in Bilingual Children*, 5–22. Dordrecht: Foris.
- Meisel, J. 1994. Code-Switching in Young Bilingual Children: The Acquisition of Grammatical Constrains. *Studies in Second Language Acquisition* 16. 413–439.
- Murrell, M. 1966. Language acquisition in a trilingual environment: Notes from a case study. *Studia Linguistica* 20. 9–20.
- Nicoladis, E. & Genesee, F. 1996. A Longitudinal Study of Pragmatic Differentiation in Young Bilingual Children. *Language Learning* 46(3). 439–464.
- Niklas-Salminen, A. 2000. Les mélanges de langues chez un enfant bilingue francophone-finno-ougrien. *Études finno-ougriennes* 32. 125–142.
- Norman, M. 1991. Finsk-norske famoliers tospråkighet: et kvinnnespørsmål. В кн. *Multilingualism in the Nordic countries and beyond: papers from the sixth Nordic Conference on Bilingualism 4–6.6.1990, Vaasa, Finland*, 239–248. Vasa: Institutet för finlandssvensk samhällsforskning.
- Norman, M. 2007. Kieli on kotini. В кн. *Õdagumeresoomõ kodo*, 66–74. Võro: Võro institut.
- Oksaar, E. 1971. Zum Sprachenverb des Kindes in Zweisprachiger Umgebung. *Folia Linguistica* 4. 330–358.
- Paradis, M. 1997. The Cognitive Neuropsychology of Bilingualism. В кн. A.M.B. de Groot & J.F. Kroll (eds.), *Tutorials in Bilingualism. Psycholinguistic Perspectives*, 331–354. Hillsdale, N.J.: Laurence Erlbaum Associates.
- Peters, A.M. & S. Strömquist. 1996. The Role of Prosody in the Acquisition of Grammatical Morphemes. В кн. M. & K. Demuth, *Signal to Syntax*, 215–232. Hillsdale, N.J.: Laurence Erlbaum Associates.
- Petersen, J. 1988. Word-internal code-switching constrains in a bilingual child's grammar. *Linguistics* 26(3). 479–493.
- Quay, S. 1995. The bilingual lexicon: implications for studies of language choice. *Journal of Child Language* 22. 369–387.

- Redlinger, W.E. & Park, T.-Z., 1980. Language Mixing in Young Bilingual Children. *Journal of Child Language* 7. 337–352.
- Rohlich, C. 2006. Inferring linguistic dominance from oral reading miscues of Finnish-English bilinguals. В кн. *International Conference on Methods in Dialectology: Finno-Ugric language contacts*, Bd. 9, 1–25. Frankfurt am Main, N.Y.
- Romaine, S. 1989. *Bilingualism Language in Society*. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell.
- Sarhima, A. 1999. *Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of bilingual mixed codes: focus on Karelian-Russian language alternation*. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Schlyter, S. 1987. Language Mixing and Linguistic Level in Three Bilingual Children. *Scandinavian Working Papers on BILINGUALISM* 7. 29–48.
- Schnitzer, M.L. & E. Krasinski. 1994. The development of segmental phonological production in a bilingual child. *Journal of Child Language* 21. 585–622.
- Schwanenflugel, P. J. & M. Rey. 1986. Interlingual semantic facilitation: Evidence for a common representational system in a bilingual lexicon? *Journal of Memory and Language* 25. 605–618.
- Sundman, M. 1994. Suomenruotsalaiset ja kaksikielisyys. В кн. *Ensikielenä suomalaiskieli* (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 46), 87–99. Turku.
- Tandefelt, M. 1986. The mechanism of Swedish-Finnish language shift. *Nordic journal of linguistic* 9. 83–96.
- Toivanen, J. 1994. Suomi ja viro lapsen ensikielenä. В кн. K. ja J. Toivanen (toim.), *Ensikielenä suomalaiskieli* (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 46), 29–41. Turku.
- Протасова, Е.Ю. 1994. Финско-русское двуязычие и русский язык: опыт Финляндии. *Славяноведение* 4. 44–52.
- Протасова, Е.Ю. 1998. Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии. В кн. *Русистика сегодня* 3/4, 202–206. Москва: Институт русского языка РАН.
- Протасова, Е.Ю. 2000. Особенности русской речи билингвов. *Русский язык за рубежом* 3/4. 42–48.
- Протасова, Е.Ю. 2004. *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Протасова, Е.Ю. 2007. Двуязычие в детском возрасте. *Русский язык в школе* 4. 88–92.
- Чиршева, Г.Н. 2000. *Введение в онтобилингвологию*. Череповец.